

ИНЕССА ИВАНОВА



Принцесса

ДЛЯ ДРАКОНЬЕГО ГЕНЕРАЛА.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

Инесса Иванова

**Принцесса для драконьего
генерала. Белая лилия**

«Автор»

2026

Иванова И.

Принцесса для драконьего генерала. Белая лилия / И. Иванова —
«Автор», 2026

"Её магия — цветы. Его — огонь. Их брак — пакт о мире. Их тайны — оружие". Младшей дочери короля придётся выйти замуж за представителя давних врагов страны и её рода -- драконьего лорда-генерала Каэлина. Так в стране на долгие годы установится мир, но достанется он принцессе дорогой ценой. Ведь она надеялась стать женой другого. Но есть способ избежать ненавистного брака - выкрасть у дракона его сокровище, браслет, когда-то отданный в залог мира. Однако чем ближе свадьба, тем сильнее её влечёт к холодному, высокомерному жениху, чья истинная сущность скрыта за пламенем в глазах. Чтобы выиграть, ей придётся выбрать: спасти королевство или своё сердце, украсть сокровище или довериться дракону.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ине́сса Ива́нова

Принцесса для драконьего генерала. Белая лилия

Глава 1

— Вы настоящая северная красавица, — всплеснула руками моя наставница, леди Берс. Высокая, полная, она была для меня и матушкой, и строгим учителем одновременно. Её признание, обычно дама была скупа на похвалы, считая, что так можно испортить любую принцессу, дорогого стоило.

Леди Берс украдкой смахнула слезу, глядя на моё отражение в большом напольном зеркале.

Оно и впрямь говорило, что я хороша.

Вся в царственную мать, великую королеву Агнесс.

Так же светлокожа и светлоглаза, так же хорошо двигаюсь в танце, я взяла от неё грацию движения, что хорошо для принцессы.

Но вот магия моя — цветочная, лёгкая, — оказалась бесполезным приданным. Я не могла рассчитывать на брак с иностранным принцем, и давно тайно радовалась этому.

Сегодня. Сегодня моя судьба переменится к лучшему.

Но об этом я не могла говорить даже с любимой наставницей. Только торопила служанок, чтобы ту же стягивали корсет.

Я хотела скорее выйти в свет. Оказаться там, где мне самое место.

И была рада, что мать позволила сшить мне светло-зелёное платье, хотя такой цвет не дозволялся для незамужних, не просватанных дев. Обычно в нём красовались обручённые.

И это тоже давало мне надежду.

А ещё платье выгодно подчёркивала безупречность моей кожи...

Воздух в бальном зале был густым от аромата жасмина, воска и придворных надежд.

Я, принцесса Анна, кружилась в вальсе под чарующие звуки скрипок.

Моя рука покоилась на плече лорда Ричарда, старшего сына герцога Лангрейвского, а его ладонь на моей талии казалась единственной прочной точкой в этом вращающемся мире.

Нас прочили друг другу с детства, потом замолчали, но судьба оказалась милостивее придворных договоров.

Его тёмные, почти чёрные глаза смотрели на меня не с холодным расчётом, а с теплом, от которого таял лёд в моей груди.

Под звуки музыки, скрытые складками моего широкого рукава, его пальцы слегка сжали мои — наш тайный знак, наш безмолвный «я здесь».

— Вы сегодня затмеваете сами звёзды, ваше высочество, — тихо сказал он, делая вид, что поправляет прядь моих тяжёлых, как солнечный лён, волос. Недозволительно интимный жест! — Вы надели такой цвет! Клянусь, моя леди, вы не пожалеете о нашем союзе.

— Это потому что вы смотрите на звёзды через призму любезности, милорд, — громко ответила я, чтобы скрыть смущение.

И добавила тихо, что мои синие глаза, в которые, как все говорят, утопают поэты, улыбаются ему одному.

Но радость, хрупкая, как узор на ледяном окне, треснула, когда мой взгляд упал на неё.

Елизавета. Моя старшая сестра, на год опережавшая меня во всём: в уроках, в почестях, в искусстве ледяных уколов.

Она стояла у колонны, царственная и прекрасная в лунном бархате, что контрастировало с моими нежными тонами.

Её тёмные волосы были короной сами по себе.

Наши взгляды встретились, и в её глазах не было ни капли сестринской нежности. Она привыкла считать себя наследницей отца, пусть и корону унаследует брат Эдуард.

Бесс гордилась своей учёностью и магией — вязкой как туман. Способной уберечь от назойливых глаз и наслать порчу.

Я отвернулась. Сейчас не до неё.

Пусть завидует!

Её-то, говорят, в этом году не просватают за дофина соседней страны. Брачный уговор есть, а жених и его отец медлят.

Вальс закончился.

Ричард, поймав тревогу в моём взгляде, с рыцарской почтительностью отвёл меня к краю зала, к высоким стеклянным дверям, ведущим в сад.

Но уйти нам не удалось.

— Какая трогательная картина, — прозвучал сладкий, как отравленный мёд, голос Елизаветы. Она подошла к нам, едва кивнув Ричарду. — Юная Белая лилия и её преданный рыцарь. Наслаждайтесь этим вальсом, Анна. Скоро тебе, я слышала от отца, придётся танцевать на раскалённых углях.

Моё сердце замерло. Ричард напрягся рядом.

— Что ты хочешь сказать, Бесс? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Конечно, она не ответила, змеюка!

Лишь улыбнулась, и в этой улыбке было что-то такое, от чего по спине побежали мурашки.

Сестра посмотрела куда-то поверх моей головы, на что-то или на кого-то в толпе, и её улыбка стала ещё таинственнее.

— Просто старинная поговорка, сестра. Каждая принцесса должна пройти своё испытание. Твоё, видимо, будет... жарким. Я бы даже сказала, — тут она как бы в шутку, наклонилась к моему уху, — пылающим.

И, бросив этот тёмный намёк, словно камень в гладь пруда, она растворилась в толпе придворных, оставив после себя холод и недоумение.

Как обычно. Бесится, что я выйду замуж первой.

Я инстинктивно поймала взгляд того, кто всегда был моей опорой, чьим отражением меня называли — моей матери, королевы.

Она стояла на возвышении рядом с тронном, прекрасная и недоступная, как изваяние из мрамора.

Наша общая белизна волос и голубизна глаз всегда были молчаливым союзом против темноволосой царственности Елизаветы и отца.

Мать никогда ни словом, ни делом не давала понять, что я её любимица, но я это чувствовала.

В первый раз — когда умирала в детстве от огненной лихорадки.

А теперь я смотрела на неё, ища в её глазах успокоения, объяснения, предупреждения.

Но её взгляд, обычно такой ласковый ко мне, встретился с моим на мгновение — и она отвела глаза в сторону.

Быстро, почти по-птичьи.

Будто я была не её дочерью, а чужим, неудобным посланием. Будто её выдержка впервые изменила ей, не рождённой от королевских родителей.

В ушах зазвенела тишина, заглушая гул бала.

Ладонь Ричарда легла на мою руку, уже не тайно, а открыто, защищая.

— Анна? Что случилось? О чём это она?

Я покачала головой, не в силах вымолвить слова.

Холодный страх, острый и незнакомый, сжимал горло. «Белая лилия» — прозвище, которым я всегда гордилась, вдруг стало звучать как приговор.

Лилия слишком нежна, чтобы вынести жар углей. Она может лишь обжечься и увянуть.

И глядя на отведённые глаза матери и ощущая на себе тяжёлый, полный неведомой угрозы взгляд сестры со стороны зала, я поняла: этот бал, эта любовь, это лёгкое счастье — всего лишь тонкий лёд на тёмной воде придворных интриг.

И лёд этот трещит под моими ногами.

Я будто стою на мартовском озере, скованном ледяной шубой, и слышу далёкий, пока ещё далёкий треск. Шёпот неотвратимой беды, возвещающий, что мне не сбежать.

Не успею. Потону.

И холодная вода сомкнётся над моей беспечной головой.

Я стояла, всё ещё цепляясь за руку Ричарда, пытаюсь прогнать ледяной ужас, поселившийся у меня в груди.

И в этот момент гул голосов стих, сменившись торжественными фанфарами.

Король, мой отец, всё ещё моложавый, с блеском победителя в глазах, поднялся с трона.

Его мощная фигура в тёмно-бордовом камзоле, усыпанном чёрными алмазами, казалась воплощением непоколебимой власти.

— Дорогие гости, лорды и леди! — его голос, привыкший командовать полками, без труда заполнил собой весь зал. — Сегодняшний бал — не просто праздник. Он знаменует новую эру для нашего королевства. Эру мира и процветания!

Я словно по давней выученной традиции выпрямила спину, принцессам положено держаться с достоинством.

Ричард выпустил мою руку, но его плечо оставалось надёжной опорой рядом. Я видела, как мать замерла, ее пальцы сжали подлокотник трона так, что костяшки побелели.

Как брат-наследник трона изогнул красивый рот, как всегда делал, когда то, что происходило, ему не нравилось, но приходилось терпеть.

— Веками горные кланы драконов были нашими соперниками, — продолжал отец, и в зале воцарилась абсолютная тишина. Король поднялся на ноги. — Но сила — в единстве. И сегодня, в знак вечного союза и прекращения всех распрей, я рад приветствовать среди нас почётную делегацию наших бывших соперников, а ныне — будущих союзников! За вечный мир!

Широкие двери в конце зала распахнулись. И вошли они.

Не люди.

Вернее, не совсем люди.

Трое мужчин в доспехах, отливавших, как чешуя, тёмным золотом и багрянцем.

Воздух вокруг них колыхался от жары, будто от распахнутой печи.

От них веяло мощью, древней и дикой.

И запахом... запахом дыма, серы и горячего камня.

Впереди шёл самый старший, с лицом, изборождённым шрамами, что походило на следы когтей.

Ему могло быть тысяча земных лет или семьдесят, что не меняло его сути.

А чуть позади — мужчина с виду за сорок, в самом расцвете своей мощи. Он был как минимум вдвое старше меня. И как максимум вдвое горделивее.

У него были короткие волосы цвета воронова крыла и глаза...

Боги, его глаза.

Они светились приглушённым золотым огнём, как тлеющие угли.

Его взгляд скользнул по залу, оценивающий, холодный, и на мгновение остановился на мне.

Я почувствовала, как по коже пробежал не жар, а ледяной озноб.

Это был взгляд на вещь. На диковинку. На трофей.

Я не могла смотреть и не смотреть тоже не могла. Трепетала, будто сейчас придёт мой смертный час.

Достало сил отвести взгляд только тогда, когда король снова заговорил.

Отец улыбался своей победоносной, государственной улыбкой.

— В честь этого союза будет скреплён величайшими из уз, — провозгласил он, и его слова падали, как молоты, разбивая мой хрупкий мир вдребезги. — Я, король Родрик Второй, отдаю свою младшую дочь, принцессу Анну, «Белую Лилию» королевства, в жены старшему сыну и наследнику вождя клана Огнекрылых, лорду Каэлину!

В зале взорвался гул — изумление, восторг, шёпот.

Но для меня все звуки слились в оглушительный звон.

Земля ушла из-под ног.

Я не чувствовала паркета под туфлями, не чувствовала собственного тела.

Нет. Нет. Нет!

Это не могло быть правдой.

Это какой-то кошмар, которым пугала в детстве строгая нянька, когда я не могла заснуть.

Сейчас я проснусь в своей постели, и леди Берс будет будить меня к уроку этикета, а Ричард... Ричард...

Я обернулась к нему, ища поддержки.

Он вызовет дракона на дуэль и убьёт его. Или погибнет за мою честь! А я умру на месте от горя.

Его лицо было пепельно-белым, хуже, чем у меня.

В его тёмных глазах бушевала буря — неверие, ярость, беспомощность.

Рука Ричарда сжалась в кулак, и я видела, как дрожат его пальцы.

Он сделал шаг вперёд, инстинктивно, рывком, будто хотел броситься ко мне, заслонить меня собой.

Но его собственный отец, герцог Лангрейвский, железной хваткой впился ему в локоть, удерживая на месте.

Шёпот отца Ричарда был тихим, но безжалостным, как удар кинжалом: «Не смей. Ради неё. Ради всех нас. Ты всех погубишь».

Я отшатнулась от них, от этого предательства молчанием.

Мой взгляд, дикий, умоляющий, полетел к матери. Мама! Скажи что-нибудь! Останови это!

Но королева Агнесс не смотрела на меня.

Она глядела прямо перед собой, на своего супруга-короля.

Её прекрасное, бесстрастное лицо было маской.

Только тончайшая трещинка в уголке её плотно сжатых губ выдавала нечеловеческое усилие.

Она знала о сегодняшнем событии.

Она знала!

И позволила мне надеть это зелёное платье... Позволила надеяться... Знала, что сегодня я буду просватана.

А затем мой взгляд наткнулся на Елизавету.

Она стояла чуть в стороне, и на её лице играла едва уловимая, торжествующая улыбка.

Не злобная, а... понимающая. Словно она наблюдала, как муха бьётся в паутине, которую давно заметила. И спасти которую всё равно бы не смогла, даже если бы захотела.

Долг принцессы — выйти замуж во славу королевства и своего короля-отца. Мы обе знали это с колыбели.

Её слова эхом отозвались в моём оцепеневшем сознании: «танцевать на раскалённых углях... пылающим».

Она не завидовала моему браку с Ричардом. Она знала, что его не будет. Все вокруг знали это.

— Принцесса Анна, — голос отца прозвучал для меня приказом, срывающим с места. — Подойди и приветствуй своего суженого.

Ноги двигались сами, словно из дерева и льда.

Каждый шаг отдавался гулом в висках.

Я прошла через зал, расступавшийся передо мной, под взглядами, полными жалости, любопытства, расчёта.

Я подошла к возвышению, к отцу, к этим... драконьим людям.

Жар от них был почти физическим ударом.

Он обжигал лицо, заставлял слезиться глаза.

Мой легкий, цветочный дар, способный оживить увядший бутон, съёжился и замер внутри, беспомощный перед этой первобытной силой огня.

Лорд Каэлин смотрел на меня сверху вниз.

Его золото-огненные глаза медленно обошли меня с головы до ног, оценивая.

В них не было ни капли тепла, лишь холодный интерес и неудовлетворение от приобретения. Он посмел проявить неудовольствие.

— «Белая Лилия», — произнёс он, будто сказал что-то смешное.

Его голос был низким, с лёгким шипящим призвуком, словно в горле тлел уголёк.

— Хрупкий цветок для наших скал. Но... он приживётся. Будем надеяться, ваше величество.

Он протянул руку.

Не для поцелуя.

Чтобы я положила свою в его ладонь. Властный, не допускающий возражений жест.

И в этот миг я окончательно поняла: лёд под ногами не просто треснул.

Он разошёлся, и я уже падаю в чёрную, ледяную пучину.

Моё лёгкое счастье, моя любовь, моя жизнь как принцессы королевства — всё это осталось там, на обманчиво твёрдой поверхности.

А впереди — только жар чужих гор, холод чужих глаз и участь белой лилии, обречённой увянуть на раскалённых камнях драконьего логова.

Моя рука коснулась его ладони.

Я не могла медлить, чтобы не опозорить отца, пёкшегося о благополучии страны. Желавшего прослыть в грядущих веках Миротворцем, которому удалось то, чего не добились предшественники.

И всё же медлила. Помимо воли, помимо голоса разума.

А когда протянула ладонь, когда наши пальцы соприкоснулись...

Это было не прикосновение.

Это был ожог.

Не огненный, а леденящий, пронизывающий до самых костей ужасом.

От той первобытной, чуждой силы, что исходила от него, сжалось сердце.

Воздух перехватило.

В глазах потемнело, и последнее, что я услышала, прежде чем мир провалился в бездну, — это презрительное, шипящее дыхание где-то над головой и далёкий, испуганный возглас леди Берс.

Глава 4

Дорога казалась бесконечной.

После первых суток путешествия однообразие ухабистой горной тропы, стук колёс и унылый пейзаж за окном навевали оцепенение.

Я сидела, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и наблюдала, как проплывают мимо угрюмые сосны и серые скалы.

Тишина в карете становилась гнетущей, её нарушали лишь всхлипывания леди Берс и лёгкий храп уснувшей служанки Маргариты.

Подруга, напротив, не могла сидеть без дела.

Она уже перебрала все сплетни двора, все возможные фасоны будущих платьев для жизни «среди этих варваров» и теперь ёрзала на сиденье.

Я рада, что она рядом. Её фонтанирующая энергия не даст мне унывать долго. Будет служить напоминанием: всегда действуй, даже если ты попала в лапы медведя.

— Неужели мы так и будем молчать, пока не превратимся в ледышки? — наконец не выдержала Маргарита. — Анна, скажи хоть что-нибудь. Или ты уже решила принять обет молчания, как монахини в обители Святой Клары?

Я оторвала взгляд от окна.

Мои мысли были далеко, в каменных лабиринтах драконьей крепости, где тихо стучало в такт моему сердцу украденное сокровище.

Но отвлекаться было нужно. Хотя бы для видимости.

— Я думала о драконах, — сказала я тихо. — Мы едем к ним, но что мы о них знаем, кроме страшных сказок из детства?

Леди Берс, дёрнув плечом, выпрямилась.

Слёзы высохли, уступив место привычной для неё строгой собранности.

Она была не просто моей наставницей, она была хранительницей знаний, ходячей энциклопедией придворных обычаев и старых легенд.

— Знаем мы достаточно, ваше высочество, чтобы держать ухо остро, — отрезала она. — Горделивые, жестокие, высокомерные. Чтут только силу и древность своего рода. Их магия — грубая, огненная, лишённая изящества.

— Но они же не всегда воевали? — вклинилась Маргарита, её глаза загорелись интересом. — Были же союзы, торговля... Я читала, что раньше драконьи мастера делали лучшие клинки!

— Было, — кивнула леди Берс, смягчив тон. — И были времена, когда наши короли носили их доспехи в бою. Но всё изменила жажда. Не простая, а особенная. Драконья.

— Какая? — я подалась вперёд.

Это был тот самый ключ, который мог открыть дверь. Мне нужны были их слабости.

Леди Берс оглянулась, будто опасаясь, что за стенами кареты их подслушают драконьи стражники, хотя грохот колёс заглушал любой шёпот.

— Есть старая легенда, — начала она, понизив голос. — Её знают в нашей семье, потому что моя прабабка была фрейлиной у королевы-матери вашего прадеда. Говорят, что в драконах живёт не просто любовь к золоту. Это... голод. Проклятье их крови. Их душа привязана к сокровищам не как к богатству, а как к части самой себя. Каждая золотая монета, каждый самоцвет — это капля их могущества, кусочек их души, запечатанный в блеске.

— И это их слабость, — задумчиво произнесла я, представив, как при виде золота они теряют волю и разум. Становятся послушными щенками.

Забавная должно быть картинка! Я даже позволила себе улыбку. Не притворную, настоящую, идущую от сердца.

Маргарита заворожённо слушала, широко раскрыв глаза.

— Значит, они как... драконы из сказок? Спят на золоте?

— Хуже, — мрачно ответила леди Берс. — Они не просто спят, это как раз легенды. Они копят богатства, золото слушается их. И чем старше и сильнее дракон, тем больше его клад и тем неистовее он их охраняет. Но в легенде есть и другая сторона...

Она сделала паузу, глядя прямо на меня, и в её взгляде читалось предостережение и нечто большее — намёк.

— Говорят, их жадность имеет свою логику. Дракон может расстаться с одним сокровищем... но только ради другого. Ради того, что он сочтёт более ценным, более редким, более желанным. Он может обменять гору золота на единственную в мире жемчужину, добытую со дна Северной Бездны. Или... — её голос стал едва слышным, — или отдать древний, захваченный в битве артефакт, если ему предложить нечто, что зажжёт в его крови новый, более сильный огонь желания.

В карете воцарилась тишина

Стук колёс теперь звучал как мерный бой барабана, отбивающий такт этой мрачной истины.

Я смотрела в бесхитрое, старое, но при этом довольно умное лицо леди Берс и понимала: это не просто легенда.

Это урок. Это стратегия.

Я дочь своего отца, наследница своего рода. Королевского рода Меривингов. Династии, которой правил третий потомок.

Я не была учёной Бесс, но старалась вникать в перипетии политики. Каждый отпрыск королевской семьи должен знать своё место в ней.

И всё же, может, то, что сейчас рассказывает леди Берс, просто сказка? Способ отвлечь и развлечь меня?

Маргарита первая нарушила молчание, смахнув с колен несуществующую пылинку.

— Жутковато, — пробормотала она. — Значит, твой жених, Анна, увидел в тебе такое «сокровище», ради которого стоит держать мир? Ты должна быть горда такой чести!

Я не ответила.

Снова отвернулась к окну, где уже вырисовывались первые, покрытые вечными снегами, пики драконьих владений. Сердце стучало в унисон с таинственным зовом, доносившимся оттуда.

«Он увидел в меня трофей», — думала я.

Белую Лилию для своей коллекции. Но что, если эта Лилия найдёт способ стать для него чем-то иным?

Не просто украшением, а ключом. Ключом к его же собственной слабости.

Эх, если бы!

Леди Берс снова укуталась в плед, её рассказ был окончен, но его смысл висел в воздухе кареты, густой и неоспоримый, как горный туман за окном.

Чтобы отнять у дракона одну ценность, нужно предложить ему другую.

И теперь мне предстояло решить, чем стану я для Каэлина — просто ещё одним сверкающим безделушкой в его коллекции... или той самой жемчужиной из Бездны, за которой он, возможно, отдаст всё.

Даже украденный браслет моих предков.

Но как при этом самой не стать его добычей без права на освобождение?

Глава 2

Я пришла в себя в собственных покоях, в постели под балдахином из шёлка цвета утреннего неба.

Горела одна свеча.

За окном была глубокая ночь, но в моей комнате не слышалось ни звука. Служанки оставили меня.

Все оставили меня.

Даже Боги.

В горле стоял ком, веки были тяжёлые, будто после долгого плача.

Я лежала неподвижно, пытаюсь понять, был ли бал страшным сном.

Но слишком реальной была лёгкая головная боль и тянущее ощущение пустоты в груди.

В дверях шевельнулась тень, и вскоре её очертания превратились в королеву.

— Анна?

Голос матери был тихим, как шелест листьев.

Она медленно подошла и села на край постели, положив прохладную руку на мой лоб.

В тусклом свете она казалась призраком — прекрасным и печальным.

— Мама, — мой голос сорвался в шёпот. — Это правда? Этот брак необходим отцу?

Я надеялась. Помолвки принцев и принцесс всегда были похожи на карточную игру: то и дело менялась масть, козыри оказывались на другой стороне, которая и не чаяла заполучить их.

Мать не ответила, продолжала смотреть на меня как на овечку, приготовленную для заклания.

Её молчание, её взгляд были красноречивее любых слов. Я сглотнула слёзы, которые снова подступили к горлу.

— Зачем? Почему я? Ты знала... ты же знала!

— Знала, дитя моё, — она опустила глаза, и в её обычно непоколебимом спокойствии я увидела трещину. Усталость. Боль. — И тысячу раз проклинала этот долг. Но ты должна понять. Мир с горными кланами... он спасёт тысячи жизней. Положит конец столетиям войн на наших западных границах. Это величайшая честь — стать залогом такого мира. И величайшее испытание, которое под силу лишь тебе, Анна. Я хорошо позаботилась о твоём королевском воспитании.

Мама всегда оставалась королевой, потому что не родилась с королевской кровью. Она была дочерью мелкопоместного дворянина, и отец возвысил её до себя.

Она никогда этого не забывала. И никто вокруг тоже не забывал.

— Честь? — я с трудом выдержала, чтобы не закричать. — Он смотрел на меня, как на вещь! Он вдвое старше, он... он чужд мне, мама! Как я смогу... Ричард...

Имя вырвалось само, болезненное и живое. Мать сжала мою руку.

— Забудь о Ричарде, — быстро, неумолимо проговорила она. Приказ, из её уст это прозвучало так, будто сие ничего не стоило. Раз — и забудь! — Это путь к гибели для него, для тебя, для нас всех. У меня был жених до твоего отца, и я забыла его, когда потребовалось. Моя судьба — быть с твоим отцом, рожать королевских наследников. Теперь твоя судьба — с драконами. Ты должна быть сильной. Должна выжить. И... послужить не только залогом мира, но и орудием его укрепления. По-иному.

Она наклонилась ко мне так близко, что её шёпот стал едва слышным, но каждое слово врезалось в сознание, как раскалённая игла.

— Ты отправишься в их крепость на западе. По их обычаю, невеста проводит в семье жениха три недели до свадьбы, привыкая к новому дому. У тебя будет время. Ты должна найти одну вещь.

— Что?

— Рубиновый браслет. Наш фамильный артефакт, твоего отца. Его выковали древние короли династии Меривингов, он — символ нашей власти и силы. Двести лет назад его захватили в битве драконы Огнекрылых. С тех пор он хранится у них как величайший трофей.

Я слушала затаив дыхание. Внутри, под слоем отчаяния, что-то шевельнулось. Острый, холодный интерес.

Это шанс избежать ненавистного брака?

— Зачем он мне?

— По старинной легенде, которую знают лишь король, наследник и я, — продолжала мать, — пока браслет находится в руках драконов, их род силён и защищён нашей же, похищенной, силой. Но если артефакт вернётся к законной владелице крови нашего рода... их могущество ослабнет. Магия огня угаснет. Они станут уязвимы. Мир будет держаться уже не на браке, а на нашем превосходстве. И тогда... тогда, возможно, тебе не придётся вступать в этот брак. Или он станет... иным. Ты будешь не пленницей, а хозяйкой положения.

Сердце забилось чаще. Не надежда — нет, до надежды было далеко.

Но цель. Задача. Островок в ледяном море безысходности.

— Но как я найду его? Они же спрячут... Не покажут мне!

— Твоя магия, Анна, — мать посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде горела давно забытая мной решимость. — Ты чувствуешь артефакты своего рода, потому что этот завязан по легенде на прекрасном эдельвейсе. Когда он зацвёл, был выкован этот браслет.

Я не знала этой легенде. Мгновение назад я не подозревала и о тайном артефакте.

Что, если это просто сказка, чтобы подсластить горькую микстуру?

— Помнишь, как в детстве всегда находила мой потерянный перстень? — мать продолжала. Передо мной всё ещё была королева, которая смотрела на детей, как на пешки. Любимые, ценные пешки. — Эта связь в твоей крови. Ты почувствуешь браслет. А твой ум, твоя натура... Ты всегда умела быть милой, чтобы добиться своего. Используй это. Будь хрупким цветком, который они тебе отвели. Пусть они недооценивают тебя. Ищи. И, когда найдёшь, вымани его. Любой хитростью.

Она встала, её фигура снова стала царственной и отстранённой.

— Завтра ты отправишься на запад с их стражей. Леди Берс поедет с тобой. И дюкесса Маргарита, это моя заслуга, что канцлер отпустил дочь в такую глушь! Но тебе будет веселей с подругой детства, отец твой согласился.

Повод возликовать! Милая Маргарита, такая целеустремлённая, живая, она станет мне опорой. Ей я смогу поплакаться о своих несчастьях.

И о своих надеждах.

Когда придёт им срок вызреть.

— Больше никого из наших, кроме служанок. Помни: отныне ты должна рассчитывать только на себя. Твоя слабость — твоя сила. Твой дар — твой компас. Найди браслет. Верни нам силу. И тогда, возможно, ты вернёшь и свою судьбу. Когда браслет будет у тебя, просто зажги эту зелёную свечу у окна. Наш человек найдёт тебя. Скажет пароль. И ты отдашь ему браслет. Тогда твой отец отзовёт тебя, будь уверена. Этой свадьбы не случится!

Она поцеловала меня в лоб, благословила и ушла, оставив в кольце свечного света и гулкой тишины.

Страх никуда не делся.

Он сжимал горло ледяными пальцами. Но теперь внутри, рядом с этим страхом, поселилось нечто иное. Холодный, острый осколок решимости.

Три недели до замужества. До окончательного приговора.

Двадцать один день в логове драконов, рядом с тем, чей взгляд заставлял цепенеть.

Меньше одного лунного месяца, чтобы найти иголку в стоге сена, охраняемом драконами.

Три недели, чтобы из хрупкой лилии превратиться в охотницу. В каменный цветок.

Я посмотрела на свои бледные, тонкие пальцы.

Они дрожали. Но я сжала их в кулак, пока не побелели костяшки.

— Хорошо, — прошептала я, глядя в темноту за окном, туда, где лежал запад и мрачные пики драконьих гор. — Вы хотите получить Белую Лилию? Получите. Но берегитесь её корней. И помните: даже самые нежные цветы иногда бывают ядовиты.

Глава 3

Мой новый жених, к счастью, больше не тревожил меня своим присутствием.

Драконья делегация, пусть и не в полном составе, отбыла на запад раньше, чем мои сундуки с богатым приданым были нагружены в кареты.

Чем была собрана стража и сопровождающие из драконьего рода.

Всё это были сплошь мужчины, и я порадовалась, что не придётся терпеть общество какой-нибудь метрессы или драконицы, возомнившей, что может давать мне советы и наставления.

То утро встретило меня бледным, безрадостным светом. Матушка и отец заочно передали своё благословение.

Вечером мы простились окончательно. А утром... я бы не выдержала расставания.

— Помни, — прошептала мать.

— Помни, — склонил голову отец. Он имел в виду, что мне надо быть покладистее с женихом, ведь этот брак очень важен.

— Не сдавайся, ты — принцесса, — вздохнула Бесс, и я увидела робкую, искреннюю улыбку на её худом и обычно желчном лице.

Мой багаж — несколько сундуков с платьями, книгами, драгоценностями, которые я должна была принести мужу вместе со своей невинностью, и личными вещами — уже грузили в крытые повозки.

Во дворе замка, вымощенном серым камнем, нас ожидал странный кортеж: наши кареты и всадники-драконы в их чешуйчатых доспехах.

Воздух здесь, на открытом пространстве, всё ещё колыхался от исходящего от них жара.

Я не могла спокойно смотреть в их сторону, хотя моя спутница, дюкесса Маргарита всю пылилась и строила глазки, одновременно изображая недотрогу.

Я стояла, закутанная в тёплый плащ с горностаевой опушкой, и пыталась не дрожать.

Леди Берс, бледная как полотно, что-то суетилась вокруг моей корзины, куда клали личные вещи, чтобы потом не останавливать кортеж ради пудреницы.

Рядом, пытаясь улыбаться, вертелась Маргарита.

Её тёмные глаза, обычно такие живые, когда она замечала мой взгляд, становились серьёзными и полными сочувствия. Она молча взяла мою руку и крепко сжала.

Маргарита не была отчаянно красива, но когда она говорила или улыбалась, лицо её озарилось светом. Она была привлекательна, бойка и даже дерзка. Умела очаровывать мужчин.

Но сейчас она тоже старалась держаться настороже.

Эта молчаливая поддержка значила больше всех слов, и я перестала мысленно осуждать подругу за её естественное желание понравиться статным лордам.

Драконов в нашем краю ненавидели и трепетали перед тенью их бывшего могущества. Некоторые поговаривали, что их время не ушло безвозвратно.

Мол, они ждут какого-то знака согласно своему пророчеству.

И тут я увидела его.

Ричарда.

Он стоял в тени арки, ведущей из замка, без плаща, в одном камзоле, будто бросился сюда сломя голову. Его волосы были всклокочены ветром, а на лице застыло выражение такой муки, что у меня снова сжалось сердце.

Я сделала шаг к нему, но железная рука одного из драконьих стражей мягко, но неуклонно преградила мне путь.

— Принцессе следует садиться в карету, — прозвучало глухое предупреждение.

Драконы говорили на лаэнском, всеобщем наречии, хотя до сих пор имели книги, написанные на драконьем языке. Нынче почти позабытом, звучащем, как проклятие из глубины веков.

Троюродный брат моего жениха, светловолосый и крупный, с кривой спиной лорд Бэллас, уже сидел верхом на огромном вороном жеребце.

Он наблюдал за этой сценой с тем же отстранённым, оценивающим видом. Казалось, наше горе его лишь забавляло.

Забавляло и одновременно вызывало презрение. Он один, не стесняясь всем видом, показывал, что люди ему не ровня.

— Мне нужно проститься, — сказала я тихо, но так, чтобы меня услышали все. Я посмотрела прямо в тёмные глаза. — Это требование приличия. Или в ваших горах не знают, что такое прощание?

На мгновение в его глазах мелькнула искорка чего-то — возможно, удивления, что хрупкий цветок осмелился шипеть. И вообще смеет обращаться к нему.

Он медленно кивнул стражнику.

Я подошла к Ричарду. Он схватил мои руки, и его пальцы были ледяными.

— Анна... Прости меня. Я ничего не могу сделать. Ничего!

— Ты жив, — прошептала я, стараясь вложить в голос всю нежность, на какую была способна. — Это главное. Обещай мне, что будешь жив.

— Я буду писать тебе, — он говорил быстро, страстно, вполголоса. — Через наших людей. Через Маргариту. Мы найдём способ. Отец... отец уже ищет пути. Он убеждён, что драконы не искренни. Они хотят лишь выгадать время, собрать силы. Этот «мир» — прикрытие для подготовки к новой войне. Мы найдём доказательства, Анна. Мы докажем королю, что этот брак не только бесполезен, но и опасен. Мы вытащим тебя оттуда.

Его слова были бальзамом на душу и одновременно ножом в сердце.

Потому что я смотрела на его отца, герцога, который стоял поодаль, и видел в его глазах не яростную решимость, а тяжёлую, безнадежную покорность.

Ричард верил. Его отец — уже нет.

Да и можно ли верить, что такой союз, призванный объединить враждующие полстолетия кланы, может быть расстроено, потому что невеста того не желает.

— Верю тебе, — солгала я, слегка сжимая его пальцы нашим тайным знаком. Но теперь этот знак означал не «я здесь», а «прощай». — Будь осторожен. Не делай ничего безрассудного. Ради меня.

Он хотел что-то еще сказать, но нас прервал резкий, нетерпеливый оклик Бэлласа:

— Время, принцесса. Горы не ждут. Ваш жених — тем более.

Я вырвала руки из рук Ричарда, не дав себе возможности оглянуться.

Если оглянусь — расплачусь.

Если расплачусь — они увидят мою слабость. А слабость нельзя показывать никому.

Даже Ричарду.

Служанка помогла мне взобраться в карету. Маргарита села рядом, бросив взгляд на драконьих стражников.

Леди Берс устроилась напротив с моей корзинкой на коленях. Она сжимала её и кожа лица и шеи, скрытая высоким воротником пальто, пошла красными пятнами.

Но леди Берс старалась сохранить «хорошую мину при плохой игре»:

— Помните, принцесса, что вы из рода Меривингов. И ничуть не уступаете в знатности всем этим ящерам!

Покосилась на занавесь окна и замолчала.

Дверцы захлопнулись, отсекая меня от прежней жизни.

Отодвинув занавеску, через окно я видела, как фигура Ричарда в тени арки становилась всё меньше и меньше, пока не слилась с серым камнем.

Замок, сады, шпили — всё поплыло мимо, как картинка из несбыточного сна.

Дорога на север была долгой и утомительной.

Уютные леса и зелёные поля моего королевства постепенно сменялись холмистой, каменистой местностью, а затем вдали показались зубцы суровых синих гор.

Воздух становился холоднее, острее.

Драконья стража ехала молча, но их присутствие ощущалось постоянно — в топоте копыт, в редких хриплых окликах, в том непереносимом жаре, который, казалось, шёл от самой земли под копытами их лошадей.

Бэллас иногда подъезжал к карете, не спрашивая, не предлагая помощи. Стучал по стеклу, я отодвигала занавесь.

И он просто смотрел, как смотрят на свой груз. Будто я могла исчезнуть из этой клетки.

Его взгляд скользил по моему лицу, и я научилась не отводить глаз, а встречать его пустым, почти безжизненным взором.

Пусть думает, что я сломлена. Пусть думает, что Белая Лилия уже завяла от одного лишь страха.

Но внутри, под этим ледяным панцирем отчаяния, тихо шевелилось что-то ещё.

Когда мы въехали в узкое горное ущелье, где скалы нависали, словно чёрные зубы, а с неба посыпалась первая изморозь, я вдруг почувствовала... зов.

Слабый, как далёкий перезвон крошечного колокольчика.

Он исходил не от ушей, а из самой глубины груди, оттуда, где прятался мой цветочный дар.

Это было едва уловимое дрожание, лёгкий магнитный толчок, направленный куда-то вперёд, в самое сердце этих мрачных гор.

— Рубиновый браслет, — поняла я. — Ты там. Ты ждёшь.

Я закрыла глаза, делая вид, что сплю, чтобы скрыть внезапно вспыхнувшее в них пламя не надежды — нет, — но яростной, хищной решимости.

Три недели.

Двадцать один день, чтобы найти то, что было утеряно двести лет назад.

Двадцать один день, чтобы из хрупкого бутона превратиться в шип, способный пронзить самое толстое сердце дракона.

Дорога заняла три дня. Три дня, которые мы ехали почти без остановок, не считая ночёвок в замках верных королю людей.

Но они старались отводить глаза, кланялись низко и делили охранные знаки, когда провозжали нас. При этом на лицах я читала облегчение.

Можно отвернуться и забыть печаль той, кто уже не вернётся.

И я пообещала, что справлюсь. Что покажу всем: даже принцессы могут менять расклад сил, не подчиняясь грубой необходимостью принести себя в жертву на брачном ложе.

Глава 4

Дорога казалась бесконечной.

После первых суток путешествия однообразие ухабистой горной тропы, стук колёс и унылый пейзаж за окном навевали оцепенение.

Я сидела, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и наблюдала, как проплывают мимо угрюмые сосны и серые скалы.

Тишина в карете становилась гнетущей, её нарушали лишь всхлипывания леди Берс и лёгкий храп уснувшей служанки Маргариты.

Подруга, напротив, не могла сидеть без дела.

Она уже перебрала все сплетни двора, все возможные фасоны будущих платьев для жизни «среди этих варваров» и теперь ёрзала на сиденье.

Я рада, что она рядом. Её фонтанирующая энергия не даст мне унывать долго. Будет служить напоминанием: всегда действуй, даже если ты попала в лапы медведя.

— Неужели мы так и будем молчать, пока не превратимся в ледышки? — наконец не выдержала Маргарита. — Анна, скажи хоть что-нибудь. Или ты уже решила принять обет молчания, как монахини в обители Святой Клары?

Я оторвала взгляд от окна.

Мои мысли были далеко, в каменных лабиринтах драконьей крепости, где тихо стучало в такт моему сердцу украденное сокровище.

Но отвлекаться было нужно. Хотя бы для видимости.

— Я думала о драконах, — сказала я тихо. — Мы едем к ним, но что мы о них знаем, кроме страшных сказок из детства?

Леди Берс, дёрнув плечом, выпрямилась.

Слёзы высохли, уступив место привычной для неё строгой собранности.

Она была не просто моей наставницей, она была хранительницей знаний, ходячей энциклопедией придворных обычаев и старых легенд.

— Знаем мы достаточно, ваше высочество, чтобы держать ухо остро, — отрезала она. — Горделивые, жестокие, высокомерные. Чтут только силу и древность своего рода. Их магия — грубая, огненная, лишённая изящества.

— Но они же не всегда воевали? — вклинилась Маргарита, её глаза загорелись интересом. — Были же союзы, торговля... Я читала, что раньше драконьи мастера делали лучшие клинки!

— Было, — кивнула леди Берс, смягчив тон. — И были времена, когда наши короли носили их доспехи в бою. Но всё изменила жажда. Не простая, а особенная. Драконья.

— Какая? — я подалась вперёд.

Это был тот самый ключ, который мог открыть дверь. Мне нужны были их слабости.

Леди Берс оглянулась, будто опасаясь, что за стенами кареты их подслушают драконьи стражники, хотя грохот колёс заглушал любой шёпот.

— Есть старая легенда, — начала она, понизив голос. — Её знают в нашей семье, потому что моя прабабка была фрейлиной у королевы-матери вашего прадеда. Говорят, что в драконах живёт не просто любовь к золоту. Это... голод. Проклятье их крови. Их душа привязана к сокровищам не как к богатству, а как к части самой себя. Каждая золотая монета, каждый самоцвет — это капля их могущества, кусочек их души, запечатанный в блеске.

— И это их слабость, — задумчиво произнесла я, представив, как при виде золота они теряют волю и разум. Становятся послушными щенками.

Забавная должно быть картинка! Я даже позволила себе улыбку. Не притворную, настоящую, идущую от сердца.

Маргарита заворожённо слушала, широко раскрыв глаза.

— Значит, они как... драконы из сказок? Спят на золоте?

— Хуже, — мрачно ответила леди Берс. — Они не просто спят, это как раз легенды. Они копят богатства, золото слушается их. И чем старше и сильнее дракон, тем больше его клад и тем неистовее он их охраняет. Но в легенде есть и другая сторона...

Она сделала паузу, глядя прямо на меня, и в её взгляде читалось предостережение и нечто большее — намёк.

— Говорят, их жадность имеет свою логику. Дракон может расстаться с одним сокровищем... но только ради другого. Ради того, что он сочтёт более ценным, более редким, более желанным. Он может обменять гору золота на единственную в мире жемчужину, добытую со дна Северной Бездны. Или... — её голос стал едва слышным, — или отдать древний, захваченный в битве артефакт, если ему предложить нечто, что зажжёт в его крови новый, более сильный огонь желания.

В карете воцарилась тишина

Стук колёс теперь звучал как мерный бой барабана, отбивающий такт этой мрачной истины.

Я смотрела в бесхитростное, старое, но при этом довольно умное лицо леди Берс и понимала: это не просто легенда.

Это урок. Это стратегия.

Я дочь своего отца, наследница своего рода. Королевского рода Меривингов. Династии, которой правил третий потомок.

Я не была учёной Бесс, но старалась вникать в перипетии политики. Каждый отпрыск королевской семьи должен знать своё место в ней.

И всё же, может, то, что сейчас рассказывает леди Берс, просто сказка? Способ отвлечь и развлечь меня?

Маргарита первая нарушила молчание, смахнув с колен несуществующую пылинку.

— Жутковато, — пробормотала она. — Значит, твой жених, Анна, увидел в тебе такое «сокровище», ради которого стоит держать мир? Ты должна быть горда такой честью!

Я не ответила.

Снова отвернулась к окну, где уже вырисовывались первые, покрытые вечными снегами, пики драконьих владений. Сердце стучало в унисон с таинственным зовом, доносившимся оттуда.

«Он увидел во мне трофей», — думала я.

Белую Лилию для своей коллекции. Но что, если эта Лилия найдёт способ стать для него чем-то иным?

Не просто украшением, а ключом. Ключом к его же собственной слабости.

Эх, если бы!

Леди Берс снова укуталась в плед, её рассказ был окончен, но его смысл висел в воздухе кареты, густой и неоспоримый, как горный туман за окном.

Чтобы отнять у дракона одну ценность, нужно предложить ему другую.

И теперь мне предстояло решить, чем стану я для Каэлина — просто ещё одним сверкающим безделушкой в его коллекции... или той самой жемчужиной из Бездны, за которой он, возможно, отдаст всё.

Даже украденный браслет моих предков.

Но как при этом самой не стать его добычей без права на освобождение?

Глава 5

Миновал третий день пути.

Мы остановились на очередном привале у подножия перевала, который уже явно носил драконье имя — «Глотка Ветра».

Воздух здесь оставался таким же холодным и колючим, как и раньше, каждый вздох обжигал лёгкие.

Слуги суетились, разводя под навесом из брезента слабый огонь, в то время как драконья стража, казалось, совершенно не ощущала холода, расположившись поодаль.

Я стояла в стороне, кутаясь в плащ, и смотрела на узкую, змеящуюся ввысь тропу.

Именно там, за этими скалами, лежали его владения.

И тут ко мне подошёл один из лордов — не Бэллас, а другой, помоложе, с лицом, покрытым бледными, словно серебряными, шрамами.

Он молча, почти не глядя на меня, поклонился и протянул сложенный вчетверо лист плотного пергамента, опечатанный чёрным сургучом с оттиском — стилизованной когтистой лапой.

— От лорда Каэлина, миледи, — бросил он односложно и так же молча отошёл. Снова с лёгким поклоном.

Сердце на мгновение ёкнуло, но не от страха, а от любопытства и острой настороженности.

Я отошла под навес, к нашему жалкому костру, где служанки леди Берс пытались согреть чай, а Маргарита рисовала что-то угольком на камне.

Разламывая печать, я почувствовала лёгкое, почти неосоздаваемое тепло, исходящее от бумаги.

Чернила были тёмными, с лёгким багровым отливом, а почерк — резким, угловатым, с длинными, колючими росчерками. Каждая буква словно впивалась в пергамент.

«Принцессе Анне, второй королевской дочери из рода Меривингов.

Доводилось до моих ушей, что путь ваш долог и, верно, утомителен для существа столь хрупкой природы.

Дабы соблюсти обычай и избавить вас от дальнейших неудобств в обществе моих воинов, я соизволю лично встретить ваш кортеж у врат Когтистой пропасти — моей резиденции.

Будьте готовы к въезду на рассвете после следующей ночи. Не опаздывайте.

В вашем распоряжении остаётся время привести себя в порядок, подобающий виду будущей госпожи моего замка.

Ваш наречённый, Каэлин Огнекрылый,

Наследник Чёрного Обсидиана».

Я перечитала письмо дважды. В ушах звенела тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра.

«Соизволю». «Привести себя в порядок». «Не опаздывайте».

Каждое слово было пропитано таким ледяным, непоколебимым высокомерием, что по спине пробежали мурашки.

Он не просил, не приглашал.

Он сообщал свою волю, будто был моим королём, а я — его подданной.

Он милостиво снисходил до того, чтобы встретить свою собственность на пороге.

И ещё он намекал, что после нескольких дней в дороге я выгляжу недостаточно презентабельно для его величественных глаз.

— Что это? — тихо спросила Маргарита, заглядывая мне через плечо. — От него? Что пишет дракон?

— Да, — мой голос прозвучал ровно, спокойно. Я протянула ей письмо.

Маргарита пробежала глазами по строчкам и фыркнула:

— «Соизволю»! Какая любезность! Будто он наш монарх, а не... не ящер в скалах!

Леди Берс, прочитав, сморщила лицо, будто откусила лимон.

— Наглая бесцеремонность, — прошипела она. — Ни единого слова о надеждах на счастливый союз, о предвкушении встречи... Холодный приказ, как для слуги. Это сделано специально, ваше высочество, чтобы поставить вас на место ещё до встречи.

Они были правы.

Это была игра на унижение. Лёгкий укол со стороны мужчины, намекающего, что тоже не в восторге от нашего союза.

Первый ход, сделанный с высоты его драконьего величия.

Игры, в которые играли все мужчины у власти, но драконы, видимо, играли в них безо всяких придворных покровов и шифра.

И в этот момент, вместо того чтобы чувствовать обиду или страх, я ощутила странное, леденящее спокойствие.

Пальцы, сжимавшие пергамент, не дрожали. Глаза не наполнялись слезами. Внутри всё замерло, отточилось, как лезвие.

Он видел в меня хрупкое, неудобное существо, которое нужно встретить и убрать с глаз долой.

Беспольный, бледный цветок, вынутый из родной почвы. Он даже не потрудился написать что-то, что могло бы эту «хрупкую природу» успокоить или обнадежить.

Только давление. Только демонстрация власти. Или он рассчитывал, что я долго не протяну в его замке?

«Хорошо», — подумала я, медленно складывая письмо.

Пусть так. Пусть он продолжает думать, что я та самая хрупкая, испуганная лилия.

Пусть видит только бледность кожи и синеву глаз, но не разглядит сталь в позвоночнике.

Пусть его высокомерие остаётся его слепым пятном.

Я с тоской подумала о Ричарде. Если бы отец отдал меня за него раньше, ничего этого бы не случилось!

Я подняла голову и посмотрела в сторону, где стояли его стражники.

Подошла к лорду Бэлласу, тот нехотя повернулся. Будто я могла задержать его в пути, как задерживает слабый здоровьем ребёнок. И умом тоже слабый.

— Передайте лорду Каэлину, — сказала я достаточно громко, чтобы меня услышали, — что его милость высоко ценится. И что его будущая супруга будет готова к рассвету.

Бэллас поморщился. Мол, и ради этого вы меня потревожили?!

Но я видела, как на лице лорда промелькнуло что-то вроде краткого интереса.

Словно он вдруг подумал, что будет интересно за мной понаблюдать. Сделать ставку, долго ли я проживу в его стране?

Я повернулась к Маргарите и леди Берс.

— Ну что ж, — сказала я, и в моём голосе впервые за много дней прозвучали нотки не паники, а холодной, деловой собранности. — У нас есть время «привести себя в порядок». Давайте не разочаруем нашего... гостеприимного хозяина.

И, глядя на багровеющие в предзакатном свете зубцы Чёрных Врат вдаль, я мысленно добавила: «Встречай, дракон. Встречай свою судьбу. И посмотрим, кто из нас окажется более ценной добычей в конце этой игры».

Это было самоуверенно, возможно, глупо. Но я цеплялась за планы и гордость, как цепляются драконы за своё бывшее величие.

Потому что больше ничего не осталось. И надо как-то не потерять себя.

Не забыть о том, кто ты. И кем могла бы быть.

Глава 6

Мы въезжали в драконий край, горное ущелье, на рассвете четвёртого дня.

Воздух здесь был иным — не просто холодным, а разреженным, колючим, напоенным запахом вулканического пепла, серы и вечных снегов, лежащих на верхушках горных пиках.

А также могуществом, не признающим никакой нежности.

С отсутствием малейшего намёка на приближающуюся весну.

Запад нашего королевства граничил с Ледяными землями, откуда и пришли драконы много веков назад.

Летописи говорят, что однажды они налетели стай, что небо стало чёрным от их огромных тел, а потом сожгли всё дотла. И вернулись через много лет снова, когда все о них стали забывать.

И уже не уходили...

Деревья стали низкорослыми, искривлёнными, с обломанными ветвями, будто они веками пытались уклониться от свирепых горных ветров.

А потом я увидела Её.

Мы въезжали в крепость Огнекрылых — гигантское строение, вырубленное прямо в скале, с башнями, похожими на обсидиановые когти, впившиеся в свинцовое небо.

Крепость Огнекрылых не была похожа ни на один из наших замков.

Её не строили — её выдолбили из самой горы, из чёрного, отполированного временем и ветром обсидиана.

Она вздымалась над скалами, как гигантский череп мифического зверя, а узкие, похожие на щели окна светились изнутри зловещим багровым отсветом, будто в каменных недрах билось раскалённое сердце.

От неё веяло такой древней, немой мощью, что дух захватило. Это не было жилище людей.

Это было логово Зверя, затаившегося, чтобы залечить раны.

Мы сидели внутри экипажа, закутанные в шубы, боясь шевелиться. Все разговоры были избыты, казались излишними и ненужными более.

И в тот самый миг, когда карета, грохоча колёсами по вырубленному в скале мосту, въехала в зияющую пасть главных ворот, слабый зов в моей груди превратился в ясный, отчётливый стук.

Ритмичный, настойчивый, как биение второго сердца.

Он исходил оттуда, из самых глубин этой каменной глотки.

Браслет был здесь.

Он ждал.

И он пел — тихую, ледяную песню, которую слышала только я.

Карета остановилась во внутреннем дворе, вырубленном прямо в скале.

Стражник распахнул дверцу.

Ледяной ветер ударил в лицо, заставив меня вздрогнуть. Я сделала шаг на чёрный, отполированный до зеркального блеска камень. Выпрямила спину.

На широких ступенях, ведущих в недра крепости, стоял он. Каэлин.

Не в доспехах, а в простых, но безупречно сшитых одеждах из тёмной кожи и металла, а сверху полушубок из меха серебристого соболя.

Его волосы, цвета воронова крыла, были свободно распущены по плечам, а в золотых глазах при свете факелов, которые горели повсюду, плескалось настоящее, живое пламя.

Он медленно спустился, его взгляд скользнул по мне, по моему бледному лицу, замёрзшим пальцам, сжатым в кулаки под складками шубы.

Он показался мне выше и мощнее, чем в королевском бальном зале. И будто видел меня всю, без одежды.

Единственное, что я не могла угадать сердцем — понравилась ли я ему. Или он тоже покорился воле отца своего.

— Добро пожаловать в Когтистую Пропасть, принцесса Анна, — его голос прозвучал низко, без тени насмешки или тепла. Констатация факта. — Ваши покои готовы.

Он не предложил руку.

Его золотые глаза горели в полумраке.

— Добро пожаловать домой, невеста, — ещё раз произнёс он, и в его голосе слышалось шипение пламени.

За его спиной спешился лорд Бэллс, на лице которого читалось облегчение.

Он выполнил неприятную задачу, и теперь его короткая верхняя губа, покрытая тёмными усами, может не подрагивать, выражая неудовольствие.

Каэлин просто повернулся ко мне спиной и пошёл вперёд, ожидая, что я последую за ним.

И я пошла: оставаться было невыносимо стыдно. Я не должна выказывать робость этому нелюдю!

Не отшатнулась. Не дрогнула.

Каблуки моих сапожек отчётливо стучали по чёрному камню, вторя тому другому стуку — тихому, магическому зову в моей крови.

Я шла за своим женихом вглубь каменного чрева дракона, и мой взгляд скользнул по гигантским барельефам на стенах, изображавшим крылатых чудовищ, сражающихся с героями.

Здесь, в этом царстве огня и камня, моя нежность была смешна, мои слёзы — бесполезны. Я была Белой Лилией, принесённой на заклятие.

Но лилия, сорванная и брошенная на камень, может оставить после себя семя. А может — ядовитый сок.

Я подняла подбородок, глядя в спину Каэлина, и позволила тонкой, ледяной улыбке тронуть мои губы.

«Я здесь», — сказал стук в моей груди, сливаясь с топотом его шагов.

И я найду тебя. И тогда мы посмотрим, чьё сердце окажется раскалённое.

«Добро пожаловать в моё логово, дракон», — подумала я, и впервые за многие дни на моих губах дрогнул призрачный смех.

Холодной, как горный лёд, и острой, как сталь.

Посмотрим, кто кого здесь перехитрит.

Мне надо выжить и выстоять. Победить и вернуться.

Я справлюсь.

Цветы растут и на камнях, если им нет более плодородной почвы.

Глава 7

Мы въезжали в драконий край, горное ущелье, на рассвете четвёртого дня.

Воздух здесь был иным — не просто холодным, а разреженным, колючим, напоенным запахом вулканического пепла, серы и вечных снегов, лежащих на верхушках горных пиках.

А также могуществом, не признающим никакой нежности.

С отсутствием малейшего намёка на приближающуюся весну.

Запад нашего королевства граничил с Ледяными землями, откуда и пришли драконы много веков назад.

Летописи говорят, что однажды они налетели стай, что небо стало чёрным от их огромных тел, а потом сожгли всё дотла. И вернулись через много лет снова, когда все о них стали забывать.

И уже не уходили...

Деревья стали низкорослыми, искривлёнными, с обломанными ветвями, будто они веками пытались уклониться от свирепых горных ветров.

А потом я увидела Её.

Мы въезжали в крепость Огнекрылых — гигантское строение, вырубленное прямо в скале, с башнями, похожими на обсидиановые когти, впившиеся в свинцовое небо.

Крепость Огнекрылых не была похожа ни на один из наших замков.

Её не строили — её выдолбили из самой горы, из чёрного, отполированного временем и ветром обсидиана.

Она вздымалась над скалами, как гигантский череп мифического зверя, а узкие, похожие на щели окна светились изнутри зловещим багровым отсветом, будто в каменных недрах билось раскалённое сердце.

От неё веяло такой древней, немой мощью, что дух захватило. Это не было жилище людей.

Это было логово Зверя, затаившегося, чтобы залечить раны.

Мы сидели внутри экипажа, закутанные в шубы, боясь шевелиться. Все разговоры были избыты, казались излишними и ненужными более.

И в тот самый миг, когда карета, грохоча колёсами по вырубленному в скале мосту, въехала в зияющую пасть главных ворот, слабый зов в моей груди превратился в ясный, отчётливый стук.

Ритмичный, настойчивый, как биение второго сердца.

Он исходил оттуда, из самых глубин этой каменной глотки.

Браслет был здесь.

Он ждал.

И он пел — тихую, ледяную песню, которую слышала только я.

Карета остановилась во внутреннем дворе, вырубленном прямо в скале.

Стражник распахнул дверцу.

Ледяной ветер ударил в лицо, заставив меня вздрогнуть. Я сделала шаг на чёрный, отполированный до зеркального блеска камень. Выпрямила спину.

На широких ступенях, ведущих в недра крепости, стоял он. Каэлин.

Не в доспехах, а в простых, но безупречно сшитых одеждах из тёмной кожи и металла, а сверху полушубок из меха серебристого соболя.

Его волосы, цвета воронова крыла, были свободно распущены по плечам, а в золотых глазах при свете факелов, которые горели повсюду, плескалось настоящее, живое пламя.

Он медленно спустился, его взгляд скользнул по мне, по моему бледному лицу, замёрзшим пальцам, сжатым в кулаки под складками шубы.

Он показался мне выше и мощнее, чем в королевском бальном зале. И будто видел меня всю, без одежды.

Единственное, что я не могла угадать сердцем — понравилась ли я ему. Или он тоже покорился воле отца своего.

— Добро пожаловать в Когтистую Пропасть, принцесса Анна, — его голос прозвучал низко, без тени насмешки или тепла. Констатация факта. — Ваши покои готовы.

Он не предложил руку.

Его золотые глаза горели в полумраке.

— Добро пожаловать домой, невеста, — ещё раз произнёс он, и в его голосе слышалось шипение пламени.

За его спиной спешился лорд Бэллс, на лице которого читалось облегчение.

Он выполнил неприятную задачу, и теперь его короткая верхняя губа, покрытая тёмными усами, может не подрагивать, выражая неудовольствие.

Каэлин просто повернулся ко мне спиной и пошёл вперёд, ожидая, что я последую за ним.

И я пошла: оставаться было невыносимо стыдно. Я не должна выказывать робость этому нелюдю!

Не отшатнулась. Не дрогнула.

Каблуки моих сапожек отчётливо стучали по чёрному камню, вторя тому другому стуку — тихому, магическому зову в моей крови.

Я шла за своим женихом вглубь каменного чрева дракона, и мой взгляд скользнул по гигантским барельефам на стенах, изображавшим крылатых чудовищ, сражающихся с героями.

Здесь, в этом царстве огня и камня, моя нежность была смешна, мои слёзы — бесполезны. Я была Белой Лилией, принесённой на заклятие.

Но лилия, сорванная и брошенная на камень, может оставить после себя семя. А может — ядовитый сок.

Я подняла подбородок, глядя в спину Каэлина, и позволила тонкой, ледяной улыбке тронуть мои губы.

«Я здесь», — сказал стук в моей груди, сливаясь с топотом его шагов.

И я найду тебя. И тогда мы посмотрим, чьё сердце окажется раскалённое.

«Добро пожаловать в моё логово, дракон», — подумала я, и впервые за многие дни на моих губах дрогнул призрачный смех.

Холодной, как горный лёд, и острой, как сталь.

Посмотрим, кто кого здесь пережит.

Мне надо выжить и выстоять. Победить и вернуться.

Я справлюсь.

Цветы растут и на камнях, если им нет более плодородной почвы.

Глава 7

Изнутри замок был вполне обжитым и даже довольно уютным. Конечно, по развешанным на стенах портретам и гобеленам видна была его суровая натура, но всё же мне стало немного спокойнее.

Замок «Когтистая пропасть» всё ещё казался логовом чудовища, но этого монстра я могла понять, как и его тягу украшать своё жилище кроваво-красными тонами — в таком суровом краю надо показывать, что у тебя есть зубы и когти, иначе не выжить.

Иначе кто-то другой, прячущийся за стенами, придёт и отберёт твоё сокровище.

Слуг в замке было достаточно, но лорд Каэлин сам решил сопроводить меня в покои.

В моём мире это было проявлением величайшей чести, поэтому я решила, что он тоже хочет быть любезным хозяином. На свой лад.

Я шла за его широкой спиной по бесконечным, ярко освещённым светом факелов и магических шаров коридорам. И всё больше чувствовала разницу между нами.

В своём логове он вдруг показался мне старым, как отец или даже старше. И я гадала, как мы поладим.

Однако сил ему было не занимать, разницу в возрасте я чувствовала кожей, но внешне мой жених в проворстве и ловкости дал бы фору многим моим сверстникам.

Воздух внутри крепости был сухим и тёплым, пахнувшим дымом, нагретым камнем и чем-то ещё — медью, может быть, или озоном, будто после далёкой грозы.

Стук моих каблуков и его тяжёлых сапог эхом отдавался от стен, от тех самых барельефов, повествующих о вечной драконьей славе. Люди с портретов смотрели на меня с осуждением, хотя у меня не было времени остановиться против них.

В нишах стояли каменные или мраморные статуи, но ни вазоны с цветами, как в королевском замке.

Только камень, факелы и тени тянулись за мной, будто боялись отстать.

Мы свернули в боковую галерею, и температура сразу упала.

Тепло центральных залов сюда явно не доходило.

Каэлин остановился перед тяжёлой дубовой дверью, окованной чёрным железом.

— Восточное крыло, — произнёс он, самолично толкая дверь. Она открылась со скрипом. — Ваши покои, принцесса. Для вас и вашей свиты. Они будут жить в соседних комнатах. Я разрешаю оставить вам лично не более трёх служанок, остальные будут представлены вам позже.

Понятно, хочет отрезать меня от прежней жизни. И приставить шпионок, чтобы докладывали о каждом моём шаге.

Я переступила порог, и ледяной ветерок, пахнувший пылью и старой древесиной, встретил меня, как пощёчина.

Комната... нет, целая анфилада комнат, была огромной, мрачной и неудобной.

Высокие стрельчатые окна, похожие на бойницы, пропускали скудный серый свет.

Сквозь щели в рамах свистел тот самый пронизывающий ветер с перевала.

Мебель — массивные тёмные шкафы, кресла с потёртой обивкой, огромная кровать под балдахином из тяжёлого, когда-то богатого, а теперь выцветшего бархата — выглядела старинной и брошенной сюда лет сто назад.

На каменном полу лежали некогда красивые, но теперь истрёпанные ковры, не способные удержать холод, идущий от плит.

Это были не комнаты для невесты хозяина.

Они скорее походили на холодные, заброшенные чертоги. Для знатной пленницы.

Испытание с первого же шага.

Леди Берс, войдя следом, ахнула и тут же зажала рот ладонью. Маргарита округлила глаза, оглядывая это царство запустения.

Каэлин наблюдал за нашей реакцией, стоя на пороге. В его золотых глазах не было ни злорадства, ни смущения. Лишь холодное, изучающее внимание.

Будто он видел это уже с десятков раз, и ничто не могло удивить его.

— В Когтистой Пропасти существуют свои обычаи, — сказал жених ровным тоном, будто читал устав. — Женщина, которая войдёт в наш род, должна доказать свою силу. Не только духа, но и способность вынести наши суровые земли. Запад не любит неженки. Эти покои... помогут вам привыкнуть к настоящему дыханию гор. И доказать, что вы достойны.

Его слова висели в ледяном воздухе.

Доказать, что вы достойны.

Так он и видит наш брак — не союз, а допуск на милость победителя. Испытание на прочность для хрупкого человеческого создания.

Если, мол, я не смогу жить в холоде, то как собралась выносить отродье дракона?!

Я медленно обернулась к нему, снова подняв подбородок. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок — от унижения, от гнева, от страха перед этим холодом. Но я не позволила ничему отразиться на лице.

— Я понимаю, — сказала я, и мой голос прозвучал тихо, но чётко, без дрожи. — Благодарю за... заботу о моём воспитании.

Что-то мелькнуло в его взгляде — не удивление, скорее лёгкое любопытство, будто он заметил, что букашка, на которую наступил, не отдала концы сразу. Не принялась плакать и проситься домой.

— Я приду позже, — объявил он. — У меня для вас есть подарок. Чтобы я мог... лучше узнать свою будущую супругу.

Эти слова, сказанные в этой ледяной комнате, прозвучали не как обещание чего-то желанного, а как тихая угроза. Что он может подарить? Новое испытание? Какой-нибудь драконий «сувенир», вроде отполированного черепа его врага?

Я просто кивнула, не в силах и не желая произносить лишних слов. Потом отвернулась, делая вид, что рассматриваю гигантский, покрытый инеем камин, в котором, конечно, не было ни полена.

— Дрова сейчас принесут, — заметил он.

Я чувствовала его взгляд на своей спине ещё несколько секунд. Потом тяжёлые шаги отдалились, и дверь с глухим стуком закрылась.

Тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в щелях, обрушилась на нас.

— Невероятное хамство! — выдохнула Маргарита, тут же обхватив себя за плечи. — Здесь же ледяной ад! Мы все умрём от чахотки!

Наши служанки, в количестве десяти девиц, жались у порога. Вероятно, каждая молила о том, чтобы не попасть в число избранных. Не оставаться с обречённой принцессой

Леди Берс уже деловито ходила по комнате, щупая стены и стуча по камням камина

— Углы сырые, сквозняк ужасный, дрова, если они здесь и есть, наверняка мокрые, — бормотала она, и в её голосе звучала не столько паника, сколько ярость стратега, столкнувшегося с плохими условиями. — Это продуманное унижение, ваше высочество. Испытание на выносливость, как он и сказал. Но вряд ли это долго продлится. Драконы заинтересованы в вас не меньше, чем мы в их дружбе.

Я подошла к одному из окон, прикоснулась ладонью к ледяному стеклу. За ним клубился серый туман, скрывающий бездну ущелья.

Стук в груди, зов браслета, здесь, внутри этих стен, стал ещё настойчивее. Он был где-то рядом. В самом сердце этого каменного монстра.

— Тогда пройдем его, — сказала я, оборачиваясь к ним. — Это испытание.

Мой голос был спокоен, но в нём зазвучали те самые стальные нотки, которые я взращивала в себе всю дорогу.

— Они ждут, что мы согнёмся. Заболеем. Заноем. Не дадим им этого удовольствия. Леди Берс, осмотрите все комнаты, оцените, что можно использовать. Девушки, помогите леди. Найдём пледы, может, старые гобелены на стенах... Всё, что можно утеплить. Мы не замёрзнем.

Маргарита осталась со мной, как раз потому, что слуга принёс дрова, а другой, следующий за ним, дымящееся в серебряных кубках вино с пряностями.

Я сбросила с плеч тяжёлую шубу, почувствовав, как холод тут же обнимает меня сквозь шерстяную ткань платья. Но я выпрямилась.

Хочешь испытать меня, дракон? Хочешь увидеть, сломаюсь ли я от первого же дуновения твоего мира?

Я подошла к камину, в котором слуга ловко развёл огонь, и положила руку на грудь, где билось моё сердце, вторившее зову предков.

Что ж, я прошла сквозь лёд отчаяния. А этот холод... этот холод — просто погода. И я знаю, что даже на камне могут вырасти цветы. Если у них достаточно упрямства и яда в корнях. Я ждала его «подарка». И готовилась к бою.

Может, всё окажется не таким уж тяжёлым.

Я найду браслет и вернусь домой раньше, чем над моей головой прошелестит свадебный полог.

Глава 8

Остаток дня слуги таскали сундуки с поклажей, пришла экономка — мистрисс Винклис — чопорная худая и высокая дама, закутанная в тёмно-синее платье.

Её волосы полностью были спрятаны под капор, а в тёмных глазах читалась враждебная настороженность. И всё же эта дама средних лет показалась мне особой если и не состоятельной, то вполне себе при деньгах, чтобы не прислуживать лорду.

Или это такая честь для местных вдов?

Она приказала заменить старые ковры на полу в моей комнате на более сносные. И подать вяленого мяса к вину.

Делала распоряжения бесстрастно, но и без желания унижить. Однако спросить о фруктах я не решилась.

Даже яблоки в этой части королевства были не в чести: да и кто бы из плотоядных ящеров питал страсть к абрикосам или грушам в меду?!

Я поблагодарила мистрисс кивком головы.

Она что-то хотела сказать ещё, но промолчала и поклонившись, вышла.

— Я всё смотрела, не выглядывает ли у неё из-под платья, чешуйчатый хвост, — приснула Маргарита, едва дождавшись, когда экономка уйдёт.

Леди Берс продолжала распоряжаться слугами. И даже теми служанками, молоденькими, но все как одна, неказистыми, полненькими и похожими на гномов из сказок, которых прислала экономка.

Я поняла предостерегающий взгляд своей наставницы: «Улыбайтесь им, но помните, что они доносят о каждом вашем слове».

Уже ближе к ночи всё было расставлено и сделано по моему вкусу. Даже где-то нашли будуарное зеркало из настоящего итальянского стекла, а не отполированного серебра.

Правда, оно показывало меня до пояса, но придирается не стала. Восприняла это как добрый знак: лорд Каэлин старался по-своему угодить невесте.

Может, надеялся поладить. Задобрить меня, значит, не злой по натуре.

Однако меня сейчас беспокоил совсем не он.

Мне не хватало цветов, фруктов, лёгкого аромата весеннего ветра — всё, чем питалось, и что питала моя магия.

А ещё холод...

Холод был не просто вокруг. Он просочился внутрь, в кости, в сны.

Я лежала под грузом нескольких одеял, натянутых леди Берс, но дрожь исходила не от тела — оно, на удивление, было горячим.

Дрожь шла изнутри, от того навязчивого, неумолчного стука где-то в глубине замка.

Во сне он превратился в голос. Не из слов, а из чистого, вибрирующего зова.

Я шла — не ногами, а словно плыла — по знакомому уже коридору восточного крыла.

Но сейчас он не был пустым и тёмным.

Стены светились мягким серебристым светом, исходящим от папоротников и мхов, которых наяву здесь не было.

А впереди, в самой глубине, пульсировало тёплое, рубиновое свечение.

Браслет!

«Сюда», — шептал зов. Прямо здесь.

Я остановилась перед ничем не примечательным участком каменной стены, украшенным резным драконьим горлом, извергающим каменное же пламя.

Во сне я знала, что делать. Я прижала ладонь точно к центру этого «пламени», где камень был гладким и тёплым.

Тихий шелчок.

Часть стены бесшумно отъехала, открывая узкий, низкий проход, сбегающий вниз по спирали.

Воздух оттуда потянул не холодом и сыростью, а сухим жаром и запахом металла, старого пергамента и... власти. Непомерной, накопленной веками.

Изнемогавшей от собственной тяжести, которую он хотел разделить с кем-то, кто вынесет это бремя. Бремя превратиться в алчное чудовище, разум которого подчинён ей.

Сокровищнице.

Помимо воли я сделала шаг.

И тут тьма впереди содрогнулась.

Из глубин прохода, заполняя его собой, выползло Оно.

Не человек. Не Каэлин.

Дракон в своей истинной, чудовищной сути.

Чешуя, чёрная как ночь, отсвечивала кровавым багрянцем от рубинового сияния позади меня.

Глаза — две огромные расплавленные золотые луны — были полны неумолимой, древней яростью.

Его пасть разверзлась, обнажив ряды жалообразных зубов, а в глотке забушевало пламя.

Оно не рычало. Оно шипело, и этот звук скоблил по душе.

«Моё».

Пламя вырвалось на меня — сокрушительный столб ослепительного белого огня, способный испепелить сталь. Я вскрикнула, подняв руки, ожидая боли, небытия...

Но боль не пришла.

Огонь обнял меня, закружил вокруг, но не сжёг. Образовал круг из огня.

Он стал стеной, коконом из пляшущих языков, тёплым и... знакомым.

В нём не было разрушения. Была ярость, да, но и странная, первобытная защита.

Я стояла внутри смерчевого вихря пламени, невредимая, и смотрела сквозь него в бешеные глаза чудовища.

И тогда дракон изменился.

Чешуя сплавилась, сократилась, кости сместились со звуком ломающегося камня.

Чудовищные формы стянулись в знакомую, мощную фигуру в коже и металле.

Передо мной, за завесой моего пламени стоял Каэлин.

Его золотые глаза пылали уже не яростью дракона, но холодным, человеческим гневом и... интересом с примесью желания.

Жгучим, как его дыхание.

Пламя вокруг меня погасло, рассыпавшись искрами. Он сделал один долгий шаг, преодолевая расстояние между нами.

Его рука, сильная и горячая, впиалась в моё плечо.

Второй — оборвал крючки моего ночного одеяния.

Это было не лаской. Это был акт грубого, бесповоротного захвата.

Я вмиг оказалась у его ног, добровольно легла на спину, как под заклятием власти.

Камень пола был холоден под спиной.

Он навис надо мной, его тень поглотила рубиновый свет сокровищницы.

В его глазах я прочитала не только страсть, а торжество и суровую справедливость.

— Ты пришла за моим сокровищем, — его голос был низким шипением, тем же, что и у дракона. — Так наивно. Так прозрачно. Думала, твоя жалкая цветочная магия поможет украсть то, что принадлежит мне по праву крови и когтя?

Я пыталась вырваться, но его хватка была железной.

— Ты хотела моё сокровище, — повторил он, и его лицо склонилось так близко, что я почувствовала жар его кожи. — Что же. Отдай взамен своё. Твою невинность. Твою свободу. Твоё будущее. Здесь. Сейчас. Без церемоний. Без брака. Это будет твоей платой за воровство и первое... наказание за дерзость.

Я будто очнулась, но он обхватил запястья и прижал к камню. Я вся была в его власти, накрытая его сильным телом, без малейшего намёка на сопротивление.

Я открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь, но его рот накрыл мой, и в этот момент какая-то часть моего существа вдруг захотела насилия.

Откликнулась, покорилась неизбежному. И я раздвинула ноги, позволяя ему проникнуть в себя.

Перед тем как всё случилось, я увидела смеющиеся искры в жёлтом пламени его глаз.

И он взял меня, как какую-то девку на холодном каменном полу коридора. И я кричала от боли, от незнакомого доселе чувства переполнения, ощущая себя униженной, поруганной и желанной.

Вместилищем будущей силы, по сравнению с которой любая человеческая армия — просто пыль.

Это длилось бесконечно долго, и камень под нами раскалился докрасна. И я поняла, что вокруг меня снова горит огонь, но не причиняет вреда, потому что я принимаю свою судьбу.

Судьбу стать драконьей любовницей, его огнём, его цветком, внутри которого заключено пламя. И драконье дитя, зачатое в эту странную преступную ночь...

Глава 9

Я проснулась с резким, беззвучным вдохом, впиваясь пальцами в грубую ткань одеял. Комната была погружена в предрассветную тьму, но холод, царивший вчера, исчез. Наоборот, от меня самой исходил лёгкий, почти неосязаемый жар.

Кожа горела.

На запястьях, на шее, в глубине груди — там, где бился зов. Там, где Он целовал меня!

Я медленно села, прислушиваясь к ощущениям разбуженного негой и драконом тела.

Сон был настолько ярким, так наполнен ощущениями — жаром пламени, холодом камня, силой его рук, — что казался реальнее этой мрачной комнаты.

Это был не просто ночной кошмар.

Это было послание. Предупреждение.

И... откровение.

Или мой страх, превратившийся в сон. Я даже боялась помыслить о другой версии — это мои тайные желания, пробуждённые новой, неведомой мне магией огня.

Путь, который я видела во сне, был реальным.

Тайная дверь с драконьим горлом — где-то здесь, в этом крыле. Но готова ли я заплатить за неё такую цену?!

Каэлин, должно быть, знает о браслете и о том, что я могу попытаться вернуть наследие своей семьи.

Или догадывается. Или ожидает, что я попробую.

Мой интерес к браслету для него если и не очевиден, то весьма вероятен. Драконы умны и хитры, так мне говорили.

А ещё — что они чувствуют, когда кто-то мысленно желает их сокровища.

И он готов встретить меня не как жених, а как страж своего клада.

Самое страшное и самое непонятное — пламя.

Мое пламя, которое защитило меня. Откуда оно? Моя магия — это ростки, цветы, лёгкий ветерок. Не огонь. Никогда.

Или это его огонь не тронул меня по воле хозяина?

Я медленно спустила ноги на ковёр, разбудив спящую неподалёку служанку.

Приложив палец к губам, чтобы она не звала других, велела поднести зеркало.

Девушка из местных подчинилась, но на её рябом лице отразилось недоумение, смешанное с суеверным ужасом.

«Что это госпоже не спится в такой час? Кто знает, что на уме у этих южан?»

Зеркало тускло отразило свет тлеющих углей в камине.

А моё лицо казалось бледным призраком в темноте. Но в глубине собственных голубых глаз, которые всегда называли бездонными и невинными, я увидела отсвет.

Крошечную, дрожащую искру. Не голубую, не серебристую. Золотую.

Моргнула — она пропала.

Я прижала ладонь к груди, к тому месту, где звучал зов браслета, где ещё пылал огонь, что влил в меня дракон.

«Что со мной происходит?» — мысленно задала вопрос своему отражению.

Сон, где дракон изнасиловал меня, был не только угрозой. Он был приподнятой завесой будущего. Или моим страхом, не имеющим под собой основания.

Это предстоит почувствовать, прожить.

И всё же я не могла поверить, что сон — игра разума, утомлённого дорогой.

И он, Каэлин, придёт сегодня. С «подарком». Чтобы лучше узнать меня.

Я вздрогнула, но не от страха. От желания узнать его поближе, чтобы успокоиться.

Холодная ясность сменилась другим чувством — готовностью к близкому, опасному бою, где ставки выросли вдвойне. И всё же он не посмеет так поступить с королевской дочерью до свадьбы!

«А после?» — подумалось мне.

Как мне вести себя?

Жених хотел испытать хрупкость лилии.

Что ж, сегодня он может увидеть нечто иное. И я должна решить — показать ли ему своё желание договориться в сложившихся обстоятельствах или снова укутаться в ледяное безразличие.

Выбор был за мной.

Но время для нерешительности таяло быстрее, чем иней на стекле под моим горячим дыханием.

Утро пришло не с визитом жениха, а с его безмолвным посланием.

Мы с Маргаритой и леди Берс завтракали в столовой, осторожно обсуждая наши первые впечатления, когда явился слуга от лорда Каэлина.

Высокий немолодой, с шрамом на подбородке и кривой спиной, которую он тщетно пытался скрыть под камзолом.

Без драконьей заносчивости он поклонился всем нам и произнёс, что у него подарки для миледи-невесты от хозяина.

За ним — слуги в чёрных ливреях внесли в мои покои огромный ларец из чёрного дерева, инкрустированный серебром.

Я велела служанке Доротеи, той самой, что спала в моих покоях, открыть его.

Заглянув внутрь, леди Берс ахнула.

На слоях тёмного бархата лежало платье – не моё, не из моего гардероба. Оно было цвета ночного неба, усыпанного серебряными нитями, вытканными в виде звёзд и крошечных чешуек, переливающихся при свете.

Роскошь, граничащая с вызовом. Это был наряд драконицы, а не принцессы-человека.

Вероятно, это большая честь здесь.

— Благодарю лорда за наряд, — произнесла я слова, обращаясь к слуге, оказавшимся секретарём хозяина, мистером Штобсом, как он отрекомендовался.

Знатным бастардом в третьем поколении.

— Миледи, хозяин просил, чтобы вы посмотрели все подарки, — загадочно произнёс он.

Маргарита, дрожа от нетерпения, прижалась к моей спине.

Я велела служанкам посмотреть, что лежит под платьем. И верно — на отдельной бархатной подушке, покоилась коробочка.

А внутри — браслет.

Рубиновый.

Моё сердце на мгновение остановилось, а затем забило так сильно, что звон отдался в ушах.

Я шагнула вперёд, рука сама потянулась... и замерла в сантиметре от него. Неужели лорд Каэлин просто дарит мне его? Или даёт поносить на время?

Вот так просто! Или это проверка?

Что-то было не так.

Зов в груди не усилился, не запел в унисон. Он остался прежним – настойчивым, но далёким, словно звал из-за глухой стены.

Я осторожно взяла браслет.

Он был тяжёлым, холодным, драгоценным, но лишённым магии.

Искусно огранённые рубины сверкали кровавым огнём, золотая оправка была искусной работы.

Но это была пустышка. Красивая, дорогая, но... мёртвая. В нём не бился отзвук моей крови, не слышалось пения веков.

— Благодарю милорда за его двойную милость, — кивнула я, желая не показывать своего разочарования.

— Здесь приглашение на бал. Сегодня, — леди Берс тем временем пробежала глазами сопроводительное письмо с официальной печатью.

— А мне что надеть? — растерянно произнесла Маргарита, надувшая губки.

После того как мистер Штобс вышел, я поспешила заверить подругу, что она может выбрать одно из моих платьев. Я подарю его ей.

— Батюшка позаботился, чтобы я не приехала голодранкой, — фыркнула она, явно обиженная.

Род Маргариты Гастронгс восходил к первым соратникам моего рода, поэтому она считала себя чуть ли не равной мне. Разумеется, за глаза.

— Тогда и говорить не о чем, — отрезала я. И уже собиралась перевести тему, как заметила маленький, свёрнутый в трубочку листок пергамента, закреплённый тонкой серебряной нитью.

Развернула. Почерк тот же самый. Моего жениха.

«Принцессе Анне.

Истинная ценность оригинала – в его истории и силе, которую он впитал. Уверен, вы знакомы понаслышке с браслетом, копия которого теперь ваша.

Место же оригинала – в сокровищнице, как свидетельство мощи моего рода. Слышали, уверен, ваше высочество и об истории этой безделушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.